

Природа в поэтическом мире А. Ахматовой

Динамика поэтической системы А.Ахматовой отчетливо прослеживается в изменении принципов изображения природы.

В ранних произведениях поэта нет развернутых пейзажей: это фрагменты целого, которое угадывается по отдельным штрихам. Пейзажи ранней лирики можно обозначить как пейзажи-декорации, фон, на котором разворачивается драматическое действие.

Декорационный характер пейзажей объясняется следующими моментами.

1. Природа для Ахматовой – носитель историко-культурной памяти. Зыбкость границ между искусством и жизнью – свойство сознания интеллигентного человека начала XX века (это получило отражение в культуре символизма, кабарежной культуре и т.д.). Культура проецировалась на реальную жизнь, а ситуации, возникающие в обычной жизни, оказывались «узнаваемыми», архетипичными. Так, микроцикле «Читая Гамлета» в метафорике воды – струящейся человеческой речи – отражается «поэма конца», вечная трагедия человеческого разъединения. Современный миф о Нарциссе и Эхо реализуется в пространстве кладбища и пустыря, символизирующих небытие. Голубеющая река ассоциируется с Летой – рекой забвения, границей между здешним и потусторонним мирами.

2. Семантика пейзажей-декораций включает вполне определенный смысл: мертвый мир – зеркало убиенной души (поэтому здешний мир и приобретает черты нездешнего). Мертвый мир у Ахматовой – мир катастрофический, таким его воспринимает героиня, пережившая драму. «Мертвое» изображение – это овеществленное переживание, закодированное в образах природы («Память о солнце в сердце слабеет», «Высоко в небе облачко серело» и др.). «Мертвое» изображение представляет собой либо картину, выполненную в духе восточной техники, либо графический рисунок («Как будто тушью нарисован в альбоме старом Булонский лес»), в нем зафиксировано автоматическое существование человека, душа которого отлетела от тела.

В других картинах омертвевший мир оживает. Так появляются двойники. Двойниками в ахматовском мире оказываются деревья (клен, тополь, ива, липа). Они – воплощение ее «внешней» души. Двойники из мира культуры (ожившие статуи и изображения).

Наложение двух сюжетов, их переплетение демонстрирует процесс просветления и очищения души героини через изживание, преодоление боли (цикл «в Царском селе»).

В дальнейшем изменение принципов изображения природы связано с переосмыслением самого понятия мира. Мир видится теперь как художественное произведение, «работа» Бога, его творение. С этим связана вегетативная символика и метафорика (земной рай – мифологема сада, человек – растение в этом саду и т.д.). Но есть и другое значение «сада» - это метафора

предтворческого и творческого состояния (отсюда образы весенней осени, пение птиц голосом нездешним, второе цветение растений). Единство героини с миром отражено в метафорике птицы-души; мифологический мир, в котором целое и часть тождественны, допускает перевоплощение человека в природный мир.

В зрелой лирике пейзаж перестает быть декорацией, но сохраняет значение мира как космического театра, где Бог – художник и режиссер. Возникающее в этом мире единство человека и природы обусловлено двумя моментами.

Героиней осознана ее роль как плакальщицы, чье сознание неразрывно связано с осознанием целого мира, который она выражает. Героиня – воплощения голоса мира, его боли. Природные ипостаси героини – знаки ее пребывания в мире («Путем всея земли»).

Героиней осознана ее роль как пророчицы, Сивиллы, что ведет к замене аналитического взгляда на мир синтетическим. В изображении природы слиты переживание настоящего, предугадывание будущего, ностальгия по прошлому, хотя и трагическому. Поэтому реальный пейзаж воспринимается как ирреальный и призрачный, бывшее воссоздается как не бывшее, а проигрывается в сознании и памяти героини. Эпитет «белый» в ахматовском мире – знак этой многомерности (белый дом, белый камень в глубине колодца и т.д.). Столь же многомерны образы пространства (сад Царского Села, Летний сад, приморский сад и др.). В зрелой лирике границы между мирами по-прежнему зыбки.

Опубликовано: Тема природы в художественной литературе. Материалы Всероссийской научной конференции 20-23 ноября 1995 г. Сыктывкар, 1995. С. 41-43.